

Во мне зашевелилась какая-то особенная тоска, напоминающая озорную игривость детства. Это было своего рода любопытство, которое заставляет вас задуматься: какова была бы реакция одинокого муравья, внезапно отделенного от его марширующих товарищей? Как сильно я должен встряхнуть тонкие нити паутины, когда паук спускается по своей шелковой нити, чтобы он резко упал?

— Эй, Финли.

Извини, Финли. Когда пришло время идти, ты должен идти до конца, верно?

— Я тоже дал тебе шанс. У каждого здесь был шанс выбрать. Но ты, ты принял глупейшее решение.

«...Я, ради моего... ковена...»

— Но ты же знаешь, не так ли? Ты мог бы повернуть назад на середине, и ты это четко осознавал. Ты знал, что даже если ты рискнешь подняться на поверхность с Тирканзьякой и вернешься в Герцогство Тумана... это не изменит того факта, что ты, простой неонат, совершил непростительный проступок, осмелившись манипулировать Прародительницей.

«... Я знаю. Меня не волнует... моя жизнь...»

— Ты делал это ради своего ковена, о, какое прекрасное оправдание. Но как насчет того, чтобы стать чуточку честнее?

Даже на грани смерти у него было то, за что он отчаянно цеплялся.

Но как человек, который знал его истинную природу, я не мог удержаться от того, чтобы не потыкать в него.

— О том, когда ты обманывал Прародительницу и манипулировал ею. Прародительницу, которую ты так считаешь и которой так преданно служишь, благополучие твоего ковена, которой ты хотел возвысить даже ценой собственной жизни... Ты никогда не задумывался о них, не так ли?

«... Что?»

Наконец он посмотрел в мою сторону.

С ухмылкой я театрально задал вампирше вопрос.

— Стажер Тырканзяка! Финли совершил серьезное преступление, пожелав силы Прародительницы! Это беспрецедентное, ужасное преступление в истории вампиров! Так как же должен быть наказан Финли, совершивший это преступление?

На мой вопрос вампирша ответила, словно задаваясь вопросом, почему я задал такой очевидный вопрос.

— Он будет очищен.

«... О... чищен?»

Это слово ярко запечатлелось в его туманном сознании.

Очистка. Ужасное, жестокое наказание, наполненное злобой, предназначенное для полного искоренения ковена с его корней. Даже в Герцогстве Тумана это оставалось просто концепцией, никогда не применявшейся на практике. Но Прародительница Тырканзяка говорила об этом так небрежно.

— Простой вассал, который якобы контролировал меня. Вассала, посягнувшего на высшую кровь, должна наказать создательница.

Но Финли кое-чего не знал. Забудьте о 1200 годах, всего несколько столетий назад Очищение было широко применяемым наказанием.

«Нет, подождите. Этого не может быть.»

Похоже, он наконец осознал, что натворил.

Вот почему различия между поколениями могут быть пугающими, скажу я вам.

Чтобы еще больше прояснить ситуацию, я задал вампирше еще один вопрос.

— Что же тогда станет с тем человеком по имени граф Эрте?

— Разве он не создатель Финли?

У вампирши было сердце, которое отказывалось биться. Родившись 1200 лет назад в эпоху, окутанную хаосом и тьмой, она дважды пережила жизнь — сначала как смертная, а затем как вампир.

Прародительница сочувствовала судьбам тех, кого она создала. Ей стало жаль детей, лишенных объятий солнечного света и осужденных человечеством. Однако сострадание не освобождало от грехов и не уменьшало тяжести наказаний.

— Тогда он должен исчезнуть. Владимир пожалеет.

Это было ледяное заявление. Финли вздрогнул, почувствовав холод в ее словах.

«Нет, нет.»

Глаза Финли широко распахнулись, когда он закричал. Или, по крайней мере, он так

думал. Его рот все еще был заклеен.

Он показал отрицание.

«Даже Прародительница не может убить анкиллу по своей прихоти! Он верный вассал Кровавого Лорда! Я-я сделал это полностью по своему усмотрению! Мой создатель!..□

Он пришел в ярость.

«Как может Прародительница, которая даже не показалась нам! Как она может делать то, что ей вздумается, с вассалом Герцогства!»

И просил пощады.

«Пожалуйста! Это было мое произвольное решение. Другие моей крови не сделали ничего плохого!»

Но все его скорбные мысли не были переданы никому, кроме меня.

Я присел перед ним.

— Финли. Ты знал ответ. Когда ты лгал, ты утешал себя тем, что все было для твоего создателя и твоего ковена.

Думать ради других — это прекрасно. Но есть одна проблема. Это понятие часто используется в качестве причины для оправдания действий, и люди на удивление склонны пренебрегать тем, что им так дорого.

Другими словами, заявление Финли о том, что он действует ради своих родичей, было всего лишь психологическим инструментом, таким как пила или молоток.

— Но почему ты не подумал о том, что случится с твоим создателем и ковенном, когда твоя ложь будет разоблачена? Ты не задумывался настолько далеко? Ты отказался рассматривать эту идею, потому что это было слишком ужасное будущее? Если даже не это, разве это не имело большого значения?

Это не имело большого значения. Потому что истинные чувства Финли...

— Потому что ты считал себя чертовски крутым вампиром, который может контролировать Прародительницу, как будто на какое-то время ты стал богом. Вот почему ты, вероятно, не мог даже подумать о своих родичах.

Финли вздрогнул, его глаза наполнились страхом. Несмотря на потерю всех конечностей, он мысленно потянулся ко мне; ему еще предстояло принять реальность.

В своей иллюзии он потянулся, чтобы схватить меня за руку в дрожащей хватке, когда он умолял меня.

«Нет! Т-ты не можешь! Я говорю тебе нет!»

— До свидания, Финли. Твоя любовь, твоё обожание, твоя верность - все это были преходящие чувства. Ну ничего не поделаешь. В конце концов, у людей есть замечательная способность забывать то, что не имеет большого значения.

«Ах. Я-»

— Но ты все же достиг достижения, которого никто не достиг. Простой слуга, манипулировал Прародительницей. Я уверен, что это оставит след в истории. Хотя твой ковен не останется в ней.

«Я был просто слеп?»

— Отпусти его, Тырканзяка.

И мысли Финли остановились. Вампирша вернула себе силу, и сегодня истек срок продления его жизни.

Я закрыл глаза Финли. Не то чтобы это много значило. Вскоре его тело рассыпалось, как пыль. Тем не менее, в конце ему едва удалось стать честным. Я выразил свои скудные соболезнования за его душу.

Наступила тишина, сопровождаемая угасающим светом псевдосолнца. Ночь сбросила свою завесу.

Закончив безвременные похороны, я поднялся на ноги. Вампирша, которая терпеливо ждала моего следующего шага, начала говорить со мной.

— Наказание ковену Финли будет исполнено. В конце концов, я не могу сразу подняться на поверхность.

Наказание? Кого это заботило? Не то чтобы я хотел убить всех родичей Финли или что-то в этом роде. Я просто хотел, чтобы он знал свои истинные чувства. Фактически...

— Эм, кстати Стажер Тырканзяка. Ты знала?

Я был против наследственных преступлений.

— Система наследственной преступности была недавно отменена.

— Что?

— В наши дни наказания редко распространяются на семью. Хотя бывают случаи выплаты долгов.

Вампирша была очень удивлена. Она была знакома с изучением новых технологий, но изменение моральной точки зрения было трудным аспектом для вампирши.

Получив новые знания, вампирша задала вопрос с широко раскрытыми глазами.

— Тогда как наказать преступника и привлечь его к ответственности, если он сбежит, как ящерица, уронившая хвост?

Ее взгляд блестел от чистого любопытства. Опасаясь, что, если я начну отвечать на её вопросы, мне придется объяснять несколько дней подряд, я дал нерешительный ответ.

— Я не тот, кто отменил его.